

НАША СТРАНА

Год издания—48-ой. Буэнос Айрес, суббота 14 октября 1995

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 14 de octubre de 1995 N° 2357

ВЛАДИМИР БЕЛЯЕВ

“ПРАВДА” СОЦИАЛИЗМА

В последнее время в русской патриотической печати государственно-державного направления появились удивительные для нашего времени попытки оправдания и даже частичной реабилитации социализма, как политического пути для России. Попытки эти, как ни странно, просочились даже в церковную печать за рубежом, вероятно по недосмотру отцов-редакторов.

Мы не будем здесь заниматься разгадыванием причин таких выступлений — скорее всего они суть посмертные судороги умершего аппарата пропаганды или псевдо-мыслительные рефлексы людей, еще не избавившихся от советского идеологического программирования.

Нам более важно обсудить сущность и содержание попыток предать социализму респектабельность в то время, когда становится все более осознанной его гибельность для России.

Попытки реабилитации тезисно утверждают, что, дескать, и социализм несет в себе частичную „правду“, отражая стремление человека к „социальной справедливости“. Из этого тезиса вытекает (хотя не всегда выговаривается) понятие хотя бы частичной оправданности страшнейшего периода нашей истории, приведшего сегодня к резонной постановке вопроса о бытии не только государства российского, но и самого народа русского.

Идея „правды“ социализма не нова — часть белой эмиграции переболела ею еще в 1920-х годах.

Политическая эта идея выразилась в движениях „сменовеховцев“ и младороссов („царь и совет“). В сущности подходы с крайне примитивных моральных позиций (сила определяет правоту) политики „смены вех“ и „молодой России“ (Казем-Бек и др.) сочли социалистическую революцию в России оправданной потому, что силовые структуры РСФСР/СССР (то есть РККА, ЧК-ОГПУ) оказались физически сильнее тех, кто с ними боролся (Белой Армии). В сущности, такая позиция отражает моральную систему, построенную на материализме и варварстве.

Наиболее ярким „философским“ представителем идеи „правды“ социализма в эмиграции являлся Н. А. Бердяев — талантливый и своеобразный мыслитель, много писавший, но не систематичный и самопротиворечивый, многочисленными поклонниками причисляемый к лику философов, но бывший, конечно, публицистом, а не философом в стандартном понимании этого слова.

На характеристике Бердяева следует немного задержаться, ибо она вероятно аналогична состоянию умов многих нынешних апологетов социализма в России.

В молодости убежденный

марксист, Бердяев впоследствии отказался от Маркса, но не избавился от навыков марксистского мышления (пафос на грани истерии, склонность к эпатажу, хроническая нелогичность) и от того идейного фундамента, на котором строится концепция социализма (его „правда“) — по сути мыслительного наследия Ж. Ж. Руссо, чей „философский“ метод, кстати, очень похож на бердяевский. Для определения ориентиров отметим, что Бердяев был антиподом в мыслях и методе И. А. Ильина, что особенно ярко проявилось в злобной полемике Бердяева против философского труда Ильина, „О сопротивлении злу силою“.

Перед своей смертью в 1948 году Бердяев дошел до восхваления Сталина.

Я задержался на опыте Зарубежной России в отношении „правды“ социализма, чтобы показать, что идея эта не нова, и что она изжита — идейное и политическое будущее принадлежит (даст Бог!) не Казем-Беку с Бердяевым, а И. А. Ильину и его последователям.

Однако, любая апология социализма в России тормозит процесс национально и государственно возрождения, то есть — при нынешнем внутреннем и геополитическом разгроме нашей родины фактически поддерживает враждебные, антирусские силы, делающие ставку на ликвидацию России, как самобытной страны, и на окончательное вырождение нашего народа.

Нынешним российским политикам и публицистам следует крепко запомнить, что идет идейная война за Россию, и что в этой войне социализм — орудие противника, а апологеты социализма — незадачливые союзники именно тех сил, с которыми считают себя в противостоянии.

Теперь рассмотрим идею „правды“ социализма в свете истории России после 1917 года. Что дал России социализм?

Гражданскую войну; террор; гибель десятков миллионов людей; искусственный голод; тюремные сроки за опоздание на работу; рабовладельческую концлагерную систему; истребление или изгнание цвета нации за рубеж или в пустыню; убийство заложников; СМЕРШ и заградотряды на войне; колхозы; разрушение духовных и культурных ценностей.

Это в плане вещественном. А в моральном: разращение детей культом Павла Морозова и ему подобных рептилий; разрушение семьи; возведение доноса в гражданскую благодетель; обвал всевозможной лжи; унижение и пленение церковной иерархии; оскорбление нашей исторической памяти; превращение порядочных людей в лагерных шакалов и доходяг.

Можно ли говорить о „правде“

социализма на фоне убиенных Царственных Мучеников; или нищей крестьянской семьи, убивающей собственного ребенка, чтобы сварить из его трупца пищу для прокормления остальных? Вникните в эти образы, господа апологеты, может быть вам станет чуть-чуть стыдно, может быть вы осознаете глубину моральной низости, бессовестность вашей конъюнктурной позиции?

Не лучше обстоит дело и с морально-религиозным смыслом пропагандируемой „правды“ социализма.

„Правда“ эта якобы заключается в „стремлении к социальной справедливости“, иногда с оговоркой, что „правда“ — частичная (то есть в социализме есть и не правда, то есть ложь; социализм такой апологии состоит из смеси правды с ложью). О „социальной справедливости“ мы поговорим ниже, а здесь заметим, что оправдание социализма, как средства для достижения „благой“ цели, есть все то же „цель оправдывает средства“, в несколько закамуфлированном фразеологическом виде. Средство же, как мы знаем, оказалось антибожеским и античеловеческим. Апология социализма на основах его „частичной правды“, если сорвать с нее маску политического плюрализма и „широты взглядов“, является просто написто аморальной.

Далее рассмотрим проблему с философской точки зрения. „Государство“ Платона начинается с рассуждения о социальной справедливости — и развивается в первую в истории человеческой мысли модель тоталитарного государства, где вместо брака — санкционированное властями, запланированное совокупление самцов и самок производителей; где государство отнимает от родителей младенцев для их воспитания в коммунальных яслях; где каждый гражданин (за исключением номенклатуры — философов) зажат в тиски регламентации каждого вдоха своей презренной жизни. Так на заре человеческой мысли решалась проблема „социальной справедливости“.

Иногда аргументируется, что „частичная правда“ социализма относится к глубокой проблеме взаимодействия добра и зла („если бы Иуда не предал Христа, то не совершилось бы искупление человечества“). Такие аргументы — софистика, релятивизация морали. Предательство Иуды остается само в себе — предательством; так же как античеловеческая природа социализма остается злом без сносок на какие-либо туманные „стремления“.

Вообще, идея „социальной справедливости“ чрезвычайно расплывчата и субъективна. Для вора, например, „социальной справедливостью“ является то, чтобы его в тюрьму не сажали. Для рус-

ского революционера года этак 1919-го — справедливостью казались насилие и разбой. Употребление „социальной справедливости“ как цели, оправдывающей средства — социализм — ничто иное, как утонченная демагогия (демагогическое „грабь награбленное“ тоже было призывом к „социальной справедливости“).

Для России социализм явился тем разрушителем цивилизации, тем историческим тормозом, посредством которого цветущая в начале XX века страна к концу столетия превращена в угодие для мафиози — собственных и импортных. А на горизонте маячит растущая мощь Китая, и России не пережить второго азиатского ига.

Враги и соперники России (а они имеются, они известны) использовали социализм, как отраву, разрушающую организм жертвы изнутри. Сегодняшние апологеты социализма в России считают себя врагами Запада — и не понимают, что они являются самими полезными, самыми надежными (но совершенно незадачливыми) союзниками собственных противников. Защитники социалистического выбора для России — откровенного или замаскированного „традициями“ — стоят в одном строю с русофобами и врагами их собственного отечества. В этом нет ничего противоречивого — основоположники „научного“ социализма — Маркс, Энгельс, Ленин, Троцкий, — все были последовательными русофобами.

Нас убеждают, что нельзя „вычеркивать“ социалистический период в истории России. Совершенно правильно. Но „не вычеркивать“ не означает — оправдывать. Вычеркивать социализм нельзя — его надо помнить — во всей полноте мерзости — и ежедневно с амвонов и папертей предавать анафеме.

Апологетам же социализма не следует забывать, что все зыбко в их мире, все меняется. Рухнул советский тоталитарный строй, который должен был жить вечно, и тем, кто кормился от него морально или материально, стало неуютно на свете. Не пришлось бы в недалеком будущем извиняться и за безумную пропаганду „правды социализма“.

Владимир Беляев

ЗАВЕТЫ ПРЕДКОВ

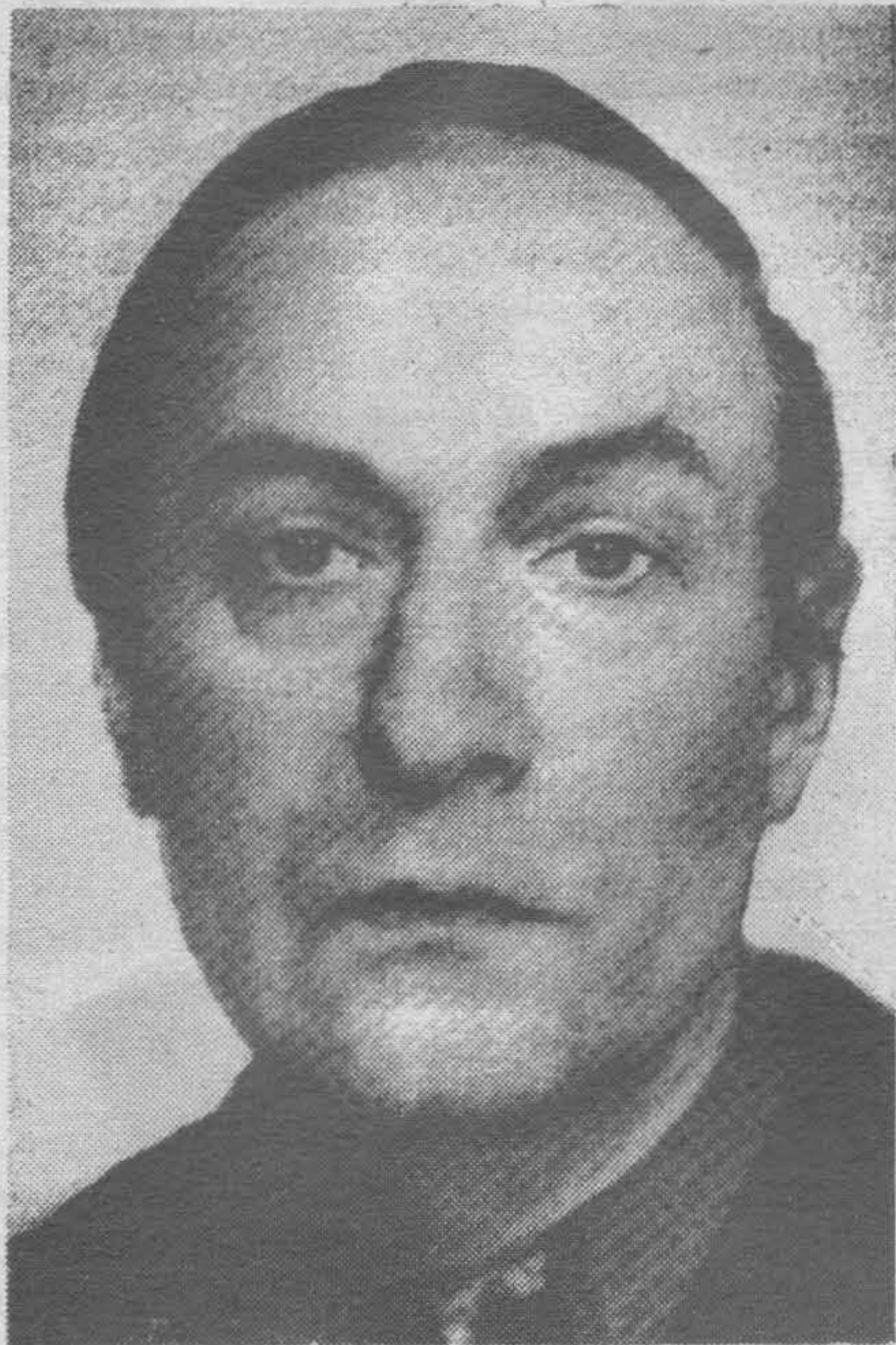
Молиться Богу, правдой
жизнь,
Царя, отечество любить,
Вот русского родное дело.

Художник П. ФЕДОТОВ

НИКОЛАЙ ПАЛЬЦЕВ

ЦВЕТА ТУМАНА

Несколько строк о „Страшном Париже“ и его авторе

Случайно на ноже карманном
Найди песчинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!

Александр Блок

Есть, думается, определенная закономерность в том, что книги, подобные этой, приходят к российскому читателю именно сейчас, когда в умах и сердцах по настоящему мыслящей и чувствующей части нашей читательской и зрительской аудитории происходит неспешное, углубленное, сосредоточенное накопление культурно-эстетической информации. Происходит, действительно и убедительно споря с вызывающими проявлениями нового бескультурья в обществе, наконец-то отрешившемся от идеологического догматизма, наглядно свидетельствуя, что ни одно духовное семя, в те или иные времена заброшенное в искони плодородную, надо признать, на редкость плохо и небрежно возделываемую, российскую почву, не пропадает втуне.

И. Бунин и В. Набоков, Н. Гумилев и В. Ходасевич, Д. Мережковский и З. Гиппиус, П. Флоренский и Н. Бердяев, И. Ильин и Л. Шестов; эти гигантские фигуры и имена, возвращающиеся в наш культурный обиход после более чем полувековой „паузы“, говорят сами за себя. А сколько еще других! Всего за одно десятилетие они составили толстый том библиографического справочника, сухие строки которого звучат для слуха каждого русского сладкогласной музыкой.*)

Запоздало покаюсь в невольной своей вине: сложись обстоятельство чуть иначе, и справочник этот оказался бы богаче еще на одно неординарное писательское имя. Это имя — Владимир Рудинский.

Мне не довелось встречаться с ним лично, хотя волею случая и по инициативе моей доброй знакомой случилось обменяться с ним несколькими письмами. А начало нашему эпистолярному знакомству положила книга под интригующим названием, любезно присланная мне автором и лежащая ныне перед читателем. Первоначально она увидела свет два года назад за многие тысячи километров от невиских берегов, где родился ее автор после октябрьского переворота, но до того, как великий град Петра стал градом Ленина.

Выходец из интеллигентной дворянской семьи, Владимир Рудинский с ранних лет обнаружил склонность к изучению иностранных языков. И скорее закономерностью, нежели случайностью явилось то, что с немалой пользой для себя проучившись несколько лет на филологическом факультете Ленин-

градского университета (где в числе его учителей были такие корифеи тогдашней академической науки, как В. Ф. Шишмарев и Г. А. Гукровский, С. С. Мокульский и А. А. Смирнов), он с блеском окончил его в канун Великой Отечественной войны, специализировавшись по испанскому языку и литературе, готовился к кандидатской диссертации по творчеству Кальдерона... А потом оказался в числе многих тысяч граждан, в судьбы которых круто и необратимо вмешалась стихия грозной Истории.

Ее своевольная прихоть в год окончания Второй Мировой войны привела его в Париж, ставший затем на полвека постоянным прибежищем и средой обитания молодого русского филолога с неутолимым интересом к лингвистике и несомненными способностями к литературе и журналистике. В послевоенные годы, в поте лица зарабатывая на пропитание, он, можно сказать, на чистом энтузиазме окончил одно из престижнейших в Западной Европе высших учебных заведений — парижскую Школу Восточных Языков — и в дальнейшем посвятил себя труднейшей задаче: исследованию проблем австронезийских языков (или, проще, группы языков, на которых говорит население ряда стран Юго-Восточной Азии и тихоокеанского бассейна). Не мне судить о значимости внесенного ученым в науку индивидуального вклада; скажу лишь, что статьи его публиковались в лингвистических журналах, выходящих в разных странах и на разных языках. И можно лишь посотевать на то, что на творческий „вызов“ своего парижского собрата не слишком спешат откликнуться отечественные языковеды. Увы, не первый и не последний случай в практике современной науки...

Впрочем, филологические штудии В. Рудинского никоим образом не ограничивались лингвистикой. Его блестящей эрудиции, широте его культурных интересов трудно не позавидовать. С наименьшим знанием дела, вкусом и интуицией писал он и о „кельтских мотивах в русской литературе“ (так озаглавлена одна из интереснейших его статей), о многих ярких явлениях русской словесности в прошлом и настоящем. Последнее, впрочем, вплотную смыкает его как ученого с публицистом и прозаиком.

Перечень периодических изданий русского Зарубежья за сорок послевоенных лет, где появилось и продолжает появляться его имя, оказался бы слишком длинным для этих кратких заметок; достаточно сказать, что из уст наших соотечественников, в последние годы, спасибо перестройке и гласности, все чаще наезжающих в Москву и Санкт-Петербург, не раз доводилось слышать о нем как о строгом, выскателном рецензенте с точным пером и не менее пронзительном мемуаристе. Заинтересованное внимание русскоговорящей зарубежной аудитории привлечли к себе и от времени до времени появляющие-

ся на страницах периодики изящные новеллы-миниатюры В. Рудинского, по преимуществу романто-психологического и фантастико-детективного свойства.

Из россыпи этих, создаваемых на протяжении долгого времени миниатюр, главным связывающим звеном между которыми становятся образы двух персонажей-расследователей: инспектора Ле Генна из „Сюртэ Насиональ“ и его помощника с экзотическим именем Элимберри — „двойников“ бессмертных конан-дойлевских Шерлока Холмса и доктора Ватсона, воскресших в облике эксцентричных бретонца и баска на почве французской столицы и провинции в середине нашего беспокойного столетия, — сложился „Страшный Париж“: исполненное таинственности, неожиданности и напряженного драматизма повествование, структурно тяготеющее к ставшей ныне едва ли не раритетом форме „романа в новеллах“, которой, заметим в скобках, воздавали должное, в числе прочих, такие крупные мастера художественной прозы, как Шервуд Андерсон и Уильям Фолкнер.

Впрочем, если взглянуть поглубже в родословную этих постоянных героев книги, наделенных, как и ее автор, острым даром аналитической дедукции, недюжинной эрудицией и столь же ненасытимой потребностью разгадывать самые неразрешимые, казалось бы, загадки, распутывать безнадежно запутанные клубки обстоятельств, то окажется, что Владимиру Рудинскому-литератору, герою-повествователю и даже активному участнику некоторых прелюбопытных „казусов“ из области естественного и сверхъестественного (да, да; в ряде новелл „Страшного Парижа“ он, „не таясь“, выступает под собственным именем) — несравненно ближе, нежели Конан Дойл и даже менее отстоящий от нас во времени „создатель“ комиссара Мегрэ Жорж Сименон, художники принципиально иной образно-мировоззренческой ориентации. Это — творцы романтической и постромантической готики: Эдгар По, Проспер Мериме, Вильгельм Лиль-Адан, Шеридан Ле Фаню, Брэм Стокер, Хауэрд Филипс Лавкрафт...

Ряд можно продолжить (он явно будет неполон без позднего Ги де Мопассана, а из русских — мастера изысканных, с налетом метафизической мистики, историй И. С. Тургенева). Дело, однако, не в именах, не в источниках художественных влияний, определивших писательскую манеру Владимира Рудинского: „литературная“ лишь в той мере, в какой это обусловлено авторским замыслом, она при всей своей „игровой“, рассчитанной прежде всего на образованного, знающего цену писательскому слову читателя, природе совершенно самостоятельна и в чем-то неотразимо привлекательна.

В чем секрет этой привлекательности? В языке? В фабульной изобретательности? В „самоигральности“ романного материала — всегда эффектного, экзотического, подчас пугающе инфернального? Или в том, что лежит по ту сторону сюжета, — своего рода жизненной установке автора?

В первую очередь в глаза бросается (мне по крайней мере), конечно, язык романа: лаконичный, безупречно выверенный, отмеченный благородной сдержанностью (в котором, замечу, сам автор, судя по его письмам, не склонен усматривать ничего экстраординарного; но нам ли, москвичам и петербуржцам завершающегося десятилетия XX века, нам ли, обитающим в повседневной атмосфере какого-то варварского псевдокосмополитического арго, не оценить по достоинству всю его ароматность, его беспримесную чистоту, ненарушенность его экологии? Так радуешься свежему глотку родниковой — не из водопровода — воды). И все же язык — сколь угодно значимая, но оболочка чего-то другого, более важного.

Тогда, может быть, причиной — прелестя живой литературной игры, азарт угадывания „двойников“ и „прототипов“? Безусловно, но лишь отчасти. Культурное поле навеваемых теми или иными новеллами В. Рудинского ассоциаций — фольклорных, поэтических, живописных, кинематографических — и впрямь необозримо: вчитываешься, скажем, в „Руки из пустоты“, „Лицо кошмара“, „Наваждение“, „Египетские чары“, и в памяти возникают полотна Фюзели и фантазии Калло, офорты Домье и Гойи, и Дали с Бунюэлем, и Роберт Вине с „Кабинетом доктора Калигари“... Очаровываясь энциклопедической эрудицией автора, заражаясь вечно сведающим его интересом к эзотерическим обрядам и верованиям предшественников разных культур и цивилизаций, не замечаешь, как, не отрываясь от книжной страницы, оказался пассажиром в захватывающем плаванье по разным этническим и историческим „рукавам“ и „притокам“ единой общечеловеческой Культуры, которой в принципе противопоставлены любые проявления национальной розни, шовинизма, тоталитаризма.

В этом пиршестве культуры, в кажущейся неконтролируемой игре естественных и сверхъестественных сил есть, однако, своя логика — логика страстного неприятия мирового Зла, тирании, произвола. Права, думается, известная представительница общественной мысли русского Зарубежья Д. Штурман, предостерегающая от поверхностного отождествления прозы В. Рудинского с нередкими ныне на Западе (а в самое последнее время и у нас) образцами „черной“ погружающей читателя в пучину безверия фантастики и детектива.

„У Рудинского, — пишет она в предисловии к первому, зарубежному изданию „Страшного Парижа“, — альтернатива всегда есть: Бог не оставляет человека в безнадежном одиночестве перед лицом дьявола“. И, думается, не случайно, когда накопление отрицательной информации по эту сторону бытия достигает критической точки, в ход событий вмешивается „потустороннее“ правосудие („Волшебный абазур“).

Впрочем, пытаться трактовать авторский замысел — занятие достаточно рискованное. А пытаться давать читателю „ценные указания“ — дело и вовсе зрящее (и, слава Богу, нынче уходящее в область преодолемого — точнее, не без труда преодолеваемого нами, критиками, — прошлого). И все-таки, завершая эти беглые заметки, рискну поделиться своей — чисто субъективной, разумеется, — уверенностью. Перед вами — очень хорошо написанная книга.

И надеюсь — не последняя с именем этого автора на обложке. Уже созданного и еще не опубликованного Владимиром Рудинским (в том числе и в готико-фантастическо-детективном жанре), поверьте моему слову, достанет на несколько томов.

„БОГ НЕ ОСТАВЛЯЕТ ЧЕЛОВЕКА...“

В Москве, в издательстве „Звонница“ опубликована книга сотрудника „Нашей Страны“ В. А. Рудинского „Страшный Париж“, с предисловием Николая Пальцева, каковое воспроизводится на этой странице.

В издательской аннотации отмечено следующее: „Книга выходца из России, живущего во Франции Владимира Рудинского впервые была издана за границей и разошлась мгновенно.“

Еще бы, ведь этот уникальный, написанный великолепным языком и на современном материале, „роман в новеллах“ можно отнести одновременно к жанрам триллера и детектива, эзотерики и мистики, фантастики и современной „городской“ прозы, а также к эротическому и любовному жанрам.

Подобная жанровая полифония в одной книге удалась автору, благодаря лихо „закрученному“ сюжету. Эзотерические обряды и ритуалы, игра естественных и сверхъестественных сил, борьба добра и зла, постоянное пересечение героями границ реального мира, активная работа подсознания — вот общая концепция книги.

Герои новелл „Любовь мертвеца“, „Дьявол в метро“, „Одержимый“, „Вампир“, „Лицо кошмара“, „Египетские чары“ — автор, детектив Ле Генн и его помощник Элимберри, оказываясь в водовороте загадочных событий, своими поступками утверждают — Бог не оставляет человека в безнадежном одиночестве перед лицом сил зла и вершит свое высшее правосудие...

В тексте книги сохранена авторская орфография и пунктуация“.

*) „Литература русского зарубежья возвращается на родину“. Выборочный указатель публикаций. 1986-1990. М., „Рудомино“, 1993.

Трибуна Читателя

СТРАХИ КИССИНГЕРА

Выступавший недавно в Буэнос-Айресе в Аргентинском Совете Международных Отношений Генри Киссинджер сказал, что в России популярна не демократия, а стремление воссоздать империю. А посему „они скоро попытаются получить обратно Белоруссию, главным образом Украину, Казахстан и т. д.“

Киссинджер предвидит, что Россия идет к режиму типа пинчотского.

Б. Гасан (Аргентина)

США ПРОТИВ СЕРБОВ

Пока американский Конгресс был на парламентских каникулах, конгрессмен-первогодок, республиканец Марк Ньюман, решил побывать в бывшей Югославии, чтобы на месте убедиться в справедливости американской позиции, под которой он подразумевал политику беспристрастного отношения ко всем враждующим сторонам. Однако в ходе поездки и во время встреч с официальными представителями США в этом регионе Ньюман убедился, что правительство США занимает открытую одностороннюю позицию — антисербскую.

В поездке по бывшей Югославии конгрессмена сопровождала сотрудница посольства США в Белграде. Она была настроена столь антисербски, что Ньюман с возмущением сказал ей об этом прямо. Ее слова, рассказал конгрессмен по возвращению в США, отражают политику Государственного Департамента и политику Белого Дома. Но не только.

В антисербской политике клинтоновская администрация нашла надежного союзника в лице лидера республиканцев в Сенате Боба Доула и многих других республиканцев. Генерал в отставке Чарльз Бойд, побывавший в бывшей Югославии многократно, с 1992 по июль 1995-го, когда он занимал пост заместителя командующего вооруженными силами США в Европе, опубликовал в престижном журнале „Форин Аффферс“ фундаментальную статью, в которой он прямо пишет об односторонней позиции США в боснийском конфликте. Американский генерал пытается объяснить своим соотечественникам, что в этом конфликте нет правых и виноватых. Жестокость по отношению к гражданскому населению проявляют и боснийские сербы, и боснийские мусульмане, и боснийские хорваты. „Сербский народ страдает, когда наступают вражеские силы, но его страдания не привлекают внимания и не вызывают сочувствия со стороны Вашингтона и корреспонденты телевизионной сети Си-Эн-Эн Кристианы Аманпур“, пишет генерал Бойд.

„США утверждают, — подчеркивает он, — что их цель якобы завершить войну путем переговоров. В действительности же они хотят способствовать тому, чтобы в выигрыше оказались мусульмане“.

И этого хотят не только США. Этого хочет Западная Европа. Этого хотят мусульманские страны. „Мы хотим, чтобы воздушные налеты НАТО продолжались и были массированными“, — заявил министр Иностранных Дел Малайзии Ахмед Камиль Джафар.

А пока бомбы и ракеты НАТО

наносили удары по боснийским сербам с воздуха, наземные силы мусульман и хорватов расширяли военные действия, прибирая к рукам районы, защищать которые сербы были не в состоянии.

НАТО выворачивал боснийским сербам руки и тащил их силой к столу переговоров. И такую политику силы оправдывает приятель Клинтона со студенческих лет Строб Толбат, мнящий себя специалистом по России и занимающий второй по рангу пост в Государственном Департаменте.

Демократический Запад ликует. А газеты демократического Запада продолжают трубить о „захваченной“ сербами земле в Боснии, не желая признать, что сербы живут на этой земле веками и не захватывают ее, а защищают.

Генерал Бойд привел в статье о боснийском конфликте любопытные факты, о которых не прочтешь в демократических газетах и массовых журналах.

Бойд опровергает представление американского читателя о Сараеве, как о городе, в котором едва-едва теплится жизнь и который живет в нужде. Именно такие картины рисуют демократические средства массовой информации. А между тем, повествует Бойд, сараевские рынки бойко торгуют фруктами и овощами, цены на которые лишь чуть выше западноевропейских. Но зато бензин в Сараеве стоит на 35 % дешевле, чем в Германии. В результате „страшной“ зимы 1994-1995 годов никто не умер от голода. Что же касается погибших в результате военных действий, то за весь 1994 год таковых оказалось — по данным ООН — всего 324. Это число ниже количества людей, ежегодно умирающих насильственной смертью в городе Вашингтоне.

А. Босоволков (США)

БЕЛАЯ ЭМИГРАЦИЯ

С большим удовлетворением познакомился с содержанием заявления „Белая эмиграция против национал-большевизма“ („Наша Страна“ № 2305) и рад был, что оно вообще появилось и было также напечатано на страницах других газет и журналов.

Отрадно было заметить большое число имен общественных деятелей, представляющих наши эмигрантские организации, нашу прессу и просто отдельных русских патриотов.

Под таким заявлением с большим удовольствием подписался бы и я, сын белого офицера, георгиевского кавалера, генеральный представитель Российского Имперского Союза-Ордена на западном побережье США и член правлений: газеты „Русская Жизнь“, Союза Чинов Русского Корпуса в Сан-Франциско, Кадетского Объединения, Госпитала Св. Иоанна Кронштадтского и Русской Торговой Палаты в Сан-Франциско.

Хочу сказать, что всегда доставляет большую радость, когда читаем в „Нашей Стране“ о достижениях кого-либо из представителей белой эмиграции, держащих на высоте русское имя.

Г. В. Куманский (США)

Каждая новая подписка на „Нашу Страну“ увеличивает возможности бесплатной пересылки газеты нашим соотечественникам в Россию.

Зарубежная жизнь

54-АЯ ГОДОВЩИНА ОСНОВАНИЯ РУССКОГО КОРПУСА

В воскресенье 17 сентября объединяющий чинов Русского Корпуса на Балканах Союз Св. Александра Невского в Аргентине молебном и встречей отметил свой годовую праздник. В слове после молебна, отслуженного в храме Св. Владимира при Корпусном Доме в буэносайресском пригороде Вижа Бажестер, администратор Аргентино-Парагвайской епархии Русской Зарубежной Церкви митрофорный протоиерей Владимир Скалон подчеркнул, что командиры Русского Корпуса, избрав себе небесным покровителем Св. Александра Невского, знали, что делали: как и благоверный князь, они взяли оружие в руки за Россию против более сильного врага, в самых неблагоприятных условиях, твердо веря, что не в силе Бог, а в правде. „Во Вторую Мировую войну победила сила, а не правда, однако потом произошли сдвиги, которые привели к падению той власти, против которой боролись корпусники“, — отметил о. Владимир.

Затем во время обеда в зале Корпусного Дома, на который были приглашены представители различных организаций белого русского Буэнос-Айреса, председатель Союза Д. В. Домрачев поднял первый тост за Россию. „Наше число уменьшается, но дух остается прежним“, — сказал ветеран Русского Корпуса, некогда печатавший в журнале „Наши Вести“ под псевдонимом П. Минометов талантливые очерки боевых будней. „Наша родина переживает очень тяжелый момент, но не будем отчаиваться! Храм Христа Спасителя строили десятилетиями, а теперь мы видим, что он восстанавливается буквально на наших глазах. Будем верить, что и Россия, если Богу будет угодно, может молниеносно воскреснуть“.

В своей речи настоятель Св. Сергиевского храма, протоиерей Владимир Шленев пожелал многим года оставшимся в живых бойцам Белого Движения и Русского Корпуса — в зале, в частности, присутствовал 94-летний ударник 2-го Корниловского полка Павел Антонович Павловский — и подчеркнул, что „в их лице мы видим то знамя российской государственности, которое они несли наперекор всем стихиям“.

О. Владимир Шленев, окормляющий приход в Парагвае, рассказал, что — по его почину — потомки тех белых офицеров, которые сражались в 30-х годах в войне против Боливии и чьими именами названы многие улицы в столице Асунсионе, начали составлять книгу о деятельности белой эмиграции в этой стране, которая вскоре выйдет на русском и испанском языках. „Нам, здесь, в Аргентине, необходимо сделать то же самое, пока еще полностью не ушло наше старшее поколение. Эти книги должны донести главным образом до русского народа правду о белой эмиграции, до сих пор искаженную на родине. Нам надо обелить эмиграцию перед теми нашими соотечественниками, которые — в особенности в российской провинции — еще находятся под влиянием многолетней советской лжи и пропаганды. Мы должны ясно показать, что все эти годы мы были верными сынами Единой и Неделимой России“.

Следом, корпусник А. П. Плищенко сообщил о приветствиях, присланных из Сан-Франциско председателем Союза Чинов Русского Корпуса поручиком В. В. Гранитовым и из Сао-Паулу председателем Союза Св. Александра Невского в Бразилии подпоручиком А. С. Политанским, и прочитал стихи покойного поэта, служившего во второй юнкерской роте, Константина Бертье де ла Гард „Тост за Россию“.

Журналист Н. Л. Казанцев сказал затем, что белые организации в Зарубежье должны сделать последний значительный рывок для того, чтоб перебросить свое идейное наследие в Россию. „Кадеты этот рывок сделали: они помогли воссоздать кадетские корпуса в нынешней России; корпусники тоже могли бы сказать „ныне отпускаешь“, когда в России будет создана типография Союза Чинов Русского Корпуса, которая сможет издавать там не только „Наши Вести“, но и книги о Белой борьбе 1917-1945 гг., но и листовки и афиши белой политической силы, которая, выступая на общественной арене, отстаивала бы в широких масштабах идеалы генерала Врангеля и генерала Штейфона“.

Буэносайресский журналист поднял затем бокал за „находящихся на передовой линии нашего фронта“ издателя „Наших Вестей“ в Москве С. В. Волкова, распространителей журнала — чинов Добровольческого Корпуса, — тех монархистов, которые на Красной площади к годовщине „Победы“ раздавали листовки о Русском Корпусе, и вообще всех тех мужественных и благородных людей в самой России, для которых „Кубанский поход продолжается“.

После ряда других выступлений, вдова корпусника, певица Елена Самсонова одарила присутствующих своим искусством, А. И. Шолон читал собственные стихи, и имели место другие артистические выступления. От лица всех И. В. Фердинандов благодарил администраторшу Корпусного Дома Нонну Марковну Дубко за безукоризненно организованное торжество.

Б. Гасан

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

КОЛОКОЛА ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

Нам пишут из Екатеринбурга:

На Каменск-Уральском металлургическом заводе отливают последний, девятый колокол для храма-памятника, который будет воздвигнут в Екатеринбурге на месте убийства Царской Семьи. Работа над первым, самым маленьким колоколом была начата полтора года назад, а в пасхальную неделю 1994 года были привезены в Екатеринбург седьмой и восьмой колокол.

Каждому члену Царской Семьи посвящен свой колокол. Царевичу Алексею самый маленький, восьмикилограммовый, его сестрам — царевнам Ольге, Татьяне Марии, и Анастасии — весом от 12 до 90 килограммов. Еще два — 90 и 130 килограммов Императрице Александре Федоровне и Императору Николаю Александровичу. На каждом колоколе изображение того, кому он посвящен, работы художника Андрея Ворожейкина. На девятом колоколе будет изображение всей Августейшей Семьи.

Э. ШТЕЙН

Нам пишут из Нью Йорка:

Для участия в есенинских торжествах отсюда вылетел в Москву литературовед и библиофил Эммануил Штейн, который будет выступать с двумя докладами: „Сергей Есенин и зарубежные поэты“ и „Сергей Есенин в лагерях Ди-Пи“.

До этого Э. Штейн выступил в клубе русских книжников Нью Йорка с докладом, в котором, в частности, коснулся „русских мотивов“ в книге Николая Казанцева об англо-аргентинской войне „Мальвины огнем и кровью“.

РУССКИХ БУДЕТ МЕНЬШЕ

Нам пишут из России:

Начавшееся в России с 1992 года уменьшение населения продолжится. За 1995-2005 годы число россиян уменьшится на 5,1 миллиона человек.

Такие данные содержатся в прогнозе численности населения до 2005 года, подготовленном Госкомстатом и Центром Экономической Конъюнктуры при правительстве „Российской Федерации“.

С НАСТОЯЩЕЙ ФОРМОЙ

Нам пишут из Москвы:

Военно-христианский иллюстрированный журнал „Вера и Мужество“ сообщил, что „свыше 70 ребят обучается в частной ка-

детской школе „Надежда Отечества“, открывшейся два года назад в Санкт Петербурге. Здесь они получают полный объем знаний в программе обычной общеобразовательной школы и изучают десять предметов специального курса“.

Журнал подчеркнул также, что „сегодня у воронежских мальчишек есть возможность поступить в восстановленный кадетский корпус, начало которому положено еще 150 лет назад. Существует корпус на средства попечительского совета и пожертвования“.

Судя по опубликованным здесь фотографиям, кадеты-питерцы (как и воронежцы), не в пример московским кадетам, носят русскую историческую кадетскую форму.

ЭМИГРАНТСКИЕ АРХИВЫ

Нам пишут из Петербурга:

В Меншиковском дворце открылась выставка „Из истории русской эмиграции“, подготовленная здешним Фондом имени М. В. Ломоносова, Международным Институтом Социальной Истории в Амстердаме и Государственным Эрмитажем.

Пятьдесят лет назад в послевоенном Париже стараниями Д. П. Рябушинского было создано „Общество сохранения русских культурных ценностей“, ставящее своей целью сбор архивов русской эмиграции. Однако вскоре встал вопрос: где их хранить? В 1949 году некоторые документы согласились безвозмездно и бесспорно принять Национальные Архивы Франции, но по-прежнему многое находилось у разных частных лиц. В 50-х годах часть материа-

лов и библиотека Общества были переданы Амстердамскому институту. В основном это документы по истории Зарубежной России, в частности архив И. А. Пастака, химика и агронома, прошедшего с добровольческой армией до Галлиполи, а затем работавшего в русских институтах Праги, Брно, Парижа, оставившего много печатных работ, патентов на изобретения и неопубликованных рукописей.

История политических и общественных организаций Зарубежной России представлена в основном брошюрами и информационными листками Союза Ревнителей Священной Памяти Императора Николая Второго и Российского Имперского Союза-Ордена.

История русской армии представлена несколькими фотоальбомами. Один из них был поднесен русскими инвалидами в Болгарии генералу А. П. Кутепову, другой — с фотографиями белых воинов, служивших во французском Иностранном Легионе — принадлежал П. Туторову.

На выставке — лишь небольшая часть богатейшего собрания.

МАСОНЫ СЕГОДНЯ

Нам пишут из Москвы:

В статье под заглавием „Каменщики вне политики“ газета „Московские Новости“ приводит слова художника Ильи Глазунова, утверждающего, что „масоны — таинственная, скрытая армия, известная своими деяниями, включающими в себя даже идею перестройки, которую в Англии внушили Михаилу Сергеевичу Горбачеву и которая обернулась для нас нищетой и гибелью вели-

кой державы“. Многие считают масонов „правящим мировым закулисным“, „секретной организацией, стремящейся к захвату власти и уничтожению русского народа“.

В июне 1993 года в Москве была зарегистрирована „Великая Национальная Ложа России“ как общественное объединение, целью которого якобы является — „нравственное совершенствование людей, развитие нравственного потенциала личности, утверждение идеалов мира, любви и братства, изучение исторического наследия масонов, просветительская деятельность, укрепление дружбы между народами, участие в благотворительной деятельности“.

„Московские Новости“ пишут, что „несмотря на то, что масонам запрещается на собраниях лож обсуждение вопросов политики и религиозной принадлежности, некоторые ложи нарушали этот запрет и начинали вести политическую игру. Так, например, действовавшая в начале текущего века ложа „Великий восток народов России“ добивалась отречения Императора Николая Второго от престола и установления в России демократической республики“.

Далее в статье говорится, что „сейчас регулярных масонов в России около 300 человек, человек 120 — москвичи. Возраст колеблется от 30 до 40 лет. Есть студенты, есть люди предпенсионного возраста, но их немного. 99 % „вольных каменщиков“ — русские. Больше всего в ложе преподавателей школ и вузов — историков, философов. Много научных сотрудников, врачей. Есть офицеры и коммерсанты“.

„БЕЛОГВАРДЕЦ РУЦКОЙ“

Нам пишут из Сан Франциско:

Газета „Русская Жизнь“, по недосмотру редакции, опубликовала многословную статью Михаила Назарова, утверждающего, что коммунист Руцкой является наиболее верным последователем идеолога Белого движения И. А. Ильина. По словам бывшего руководителя НТС, „из выдвигающих кандидата в президенты движение Руцкого единственное, программа которого в духе Ильина, подчеркнуто строится на воссоздании тысячелетней православной России; именно работы Ильина повлияли в последние годы на мировоззрение создателя и лидера движения „Держава“ А. В. Руцкого, он это признает“.

Как известно, коммунист Руцкой является также беспринципным оппортунистом. Во время своего пребывания в Израиле он утверждал, что чувствует себя евреем, поскольку его мать еврейка, а в „Российской Федерации“ не гнушается услугами отъявленных антисемитов.

Используя М. Назарова и других попутчиков национал-большевизма, чтоб приобрести некий налет „правизны“, Руцкой затем всех их выгнал из своего движения.

ВЫШЕЛ В С В Е Т Ж У Р Н А Л

ВОССТАВАЯ БЫТЬ

№ 5 (134) 1994 г.

Содержание:

От редакции.

В. М. Ткачев „Крылья России“.

А. Кручинин „Великая война в рисунках Самокиша“.

Сергей Вакар „Кавалерия“.

В. Дуров „Солдатские георгиевские кресты в 1917 году“.

П. Лилленурм „Псковский Добровольческий Корпус: начало Белой борьбы на Северо-Западе России (1918)“.

А. Кручинин „К истории кадровых частей 34-ой Пехотной дивизии в 1919-1920 годах“.

В. В. Шульгин „Деникин и Врангель“.

Белый угол. Документ из „Россыпи“.

Иван Лукаш „Туркул и Манштейн“.

Главный редактор — А. С. Кручинин. Адрес редакции: Россия, 109457 Москва, ул. Ф. Полетаева, д. 8, корп. 2, кв. 46.

„НАША СТРАНА“. Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18-9-1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: М. В. Киреев. Редактирует коллегия. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578-11, 1430 Buenos Aires, Argentina. Тел. и факс: (54-1) 544-0530. За содержание подписанных материалов отвечают их авторы, чьи мнения не обязательно выражают взгляды редакции. Рукописи не возвращаются.

При перепечатке ссылка на источник обязательна. Цена 1 экземпляра: Аргентина - 1,00 песо; Германия - 1,80 марок; Франция - 5 франков. США и остальные страны - 1 ам. доллар. Объявления: за 1 см. в 1 кол. - цена 7-ми экземпляров газеты. Чеки: Miguel Kireeff, for deposit only. Переводы только на: Citibank, N. A., 693 E. Jericho Turnpike, Huntington Sta., NY 11746, USA. Account N° 78516453

©"NASHA STRANA"—"NUESTRO PAIS". Semanario monárquico ruso. Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949.917. Editor: M. Kireeff, Monroe 3578, 1430 Buenos Aires, Argentina.

Correo Argentino	Franqueo pagado. Conces. N° 4233
Sucursal 30 (B)	Interes General. Conces. N° 3980